

Ха Ныль, обнятый Кан Ха Джун, сиял улыбкой. Его чистый смех разливался повсюду.

Словно камерой, Сон Ын Юль ловил глазами этот кадр — Кан Ха Джун и Ха Ныль вместе.

Тем, кто низверг Сон Ын Юля в пропасть, был именно Кан Ха Джун. Для него всё, что сделал Сон Ын Юль, давно перешло допустимую грань, и потому он поступил так. Но как поверить, что они когда-то провели ночь вместе? Так всё и закончилось.

Вот почему он убежал. Он не хотел умирать и хотел защитить ребёнка под сердцем. Но оглядываясь назад, он понял: он ведь так и не сказал Кан Ха Джуну, что был беремен. Почему?

—...Боялся, что он прикажет избавиться от ребёнка? — пробормотал Ын Юль с отсутствующим выражением лица.

До сих пор он об этом не задумывался. Просто решил родить и растить ребёнка один. Казалось, это был единственный верный выбор... а вдруг он ошибался?

— Папа.

— ...А?

Не заметив, как подошёл ближе, Ха Ныль протянул руки к Ын Юлю. Тот машинально поднял сына на руки, и мальчик обвил руками его шею.

— Он сказал, что мне надо идти к папе... А самолётик, который я сделал, оказался страшным, — неловко сказал Кан Ха Джун.

Обычно Ха Ныль смеялся, когда Ын Юль подбрасывал его в игре, но с Кан Ха Джун было, наверное, страшно из-за его высокого роста.

— Для меня папа — самый лучший, — пробормотал мальчик, прижимаясь губами к его плечу.

Ын Юль закрыл глаза и крепко прижал сына к себе. Да, не стоит жалеть о прошлом.

— Пойдём уже.

— Угу.

Когда Ха Ныль кивнул, Ын Юль поставил его на землю и протянул руку. Сын схватил её, и тогда Ын Юль обратился к Кан Ха Джуну:

— Теперь пора прощаться, верно?

— Да.

Кан Ха Джун больше не удерживал его. В этой спокойной реакции было что-то отрезвляющее. Ын Юль развернулся. Перед тем как уйти, Ха Ныль помахал рукой Кан Ха Джуну:

— До свидания! Не болейте. Завтра ещё увидимся. Я люблю вас! Чмок!

Он даже изобразил губами звук поцелуя. Кан Ха Джун смутился, а Ын Юль посмотрел на сына в полном недоумении.

— ...Идите уже, — махнул рукой Ын Юль, решив после поговорить с Ха Нылем наедине.

Кан Ха Джун, явно поражённый, без сопротивления ушёл. Тогда Ын Юль присел, чтобы встретиться глазами с сыном. Если это было просто вежливое прощание, вроде тех, что они делали у детсадовского автобуса, то всё понятно. Но адресовано это было Кан Ха Джуну — и это смущало.

Стоило ли запретить ему так делать в будущем? Вместо этого он сказал:

— И папе тоже так сделай.

Он решил приучить Ха Ныль одинаково здороваться и прощаться со всеми — тогда Кан Ха Джун не будет восприниматься как кто-то особенный.

— Не хочу.

Этот ответ поразил Ын Юля ещё больше.

— Не хочешь?

— Папа же семья. С семьёй так не делают.

— Ты хочешь сказать, что в семье даже поцелуев нет? — спросил Ын Юль, с трудом удерживая улыбку.

— Семья не расстается. Семья каждый день вместе. Вот и не говорят такие слова.

— Вот оно что?

— Угу. А дядя — он друг папы. Поэтому я ему так сказал.

Ха ныль сделал несколько шагов вперёд, показывая, что пора идти. Ын Юль сжал кулаки. Для Ха ныля Кан Ха джун не был семьёй. И именно он, Ын Юль, сделал так, что всё вышло именно так. От этой мысли стало тяжело на душе.

— Бабушка!

Они уже дошли до ресторана, и Ха ныль вырвал руку и побежал вперёд. Глядя на его забавную спинку, Ын Юль пробормотал:

— Ха ныль... Как бы там ни было, не раздавай ты так обаяние направо и налево. Это опасно.

Он покачал головой и собирался последовать за сыном, как вдруг в кармане завибрировал телефон. На экране высветился неизвестный номер.

— А? Неужели это из магазина? — решил он, что речь о собеседовании, и, собрав голос, ответил:

— Алло...

— Это я. Нам Гун Хёк.

— ...

— Я кое-что забыл сказать. Даю тебе три дня. За это время собери вещи. Ты понял, что я имею в виду?

Сон Ын Юль прикусил нижнюю губу до крови.

— Знаешь, что-то странное творится, — голос Хён Чжэ Ха прозвучал сдержанно, но с ноткой обиды. Он долго ждал, пока вновь получит весточку.

— С того самого дня, как ты сказал отложить помолвку, ты изменился.

Кан Ха Джун молча слушал.

— В тот день, когда наш разговор по телефону прервался, ты не пришёл. А ведь раньше, даже в

самые занятые дни, никогда не пропадал больше, чем на два дня.

Чжэ Ха несколько раз брал в руки чашку с кофе и ставил её обратно.

— А потом ты внезапно появился... и сказал, что не сможешь жениться?

Последние слова сорвались с его губ со странным изломом. Он редко позволял себе такие всплески эмоций, но сегодня всё внутри металось. Сдерживая растущее раздражение, он негромко сказал:

— Если есть что сказать — скажи.

— Я не смогу жениться.

Всё, что с таким трудом сдерживал Чжэ Ха, было перечеркнуто одним равнодушным ответом. Всё, что он перечислил, было правдой. Да, Ха Джун пренебрегал им, и да, он пришёл к выводу, что не может продолжать помолвку.

— Почему? Я же только хотел немного времени. Это не значит, что я хотел всё разрушить.

— Потому что я не могу, Чжэ Ха.

— Это из-за того, что я тогда не был рядом? Ты же знаешь, мне было очень тяжело...

— Не поэтому.

— Это не из-за того, что я уехал учиться?

— Верно.

Но Чжэ Ха, переспросив, всё равно не мог понять. До сих пор Ха Джун принимал в нём всё.

— Тогда что?

Он мучился от непонимания, но Ха Джун не спешил отвечать.

— У тебя кто-то появился?

...Ха Джун промолчал. И тогда Чжэ Ха криво улыбнулся: хоть бы соврал ради приличия.

— Значит, тебе было удобно, когда я сам попросил отложить свадьбу. И то, что ты так переживал из-за отца, — тоже была игра?

Чжэ Ха усмехнулся, но тут же оборвал смех.

Его взгляд скользнул по Ха Жжуну. В целом суровые черты лица, но при ближайшем рассмотрении — утончённые. Ни одна деталь не была случайной. Крепкое телосложение, выдающиеся способности... и не только это. Он был добрым, заботливым, проявлял участие. И, главное... его феромоны были единственными.

Он не мог воспринимать запах других альф. Только Ха Джун был для него единственным.

Поэтому он отворачивался от Нам Гун Хёка и держался за руку Кан Ха Джуна. Но теперь эта рука выскользывала.

— Ты с ним серьёзно? До брака думаешь дойти? Кто бы он ни был, он ведь не твой идеал. Твой идеал — это я.

В его спокойном голосе не было ни тени сомнения в том, что он и есть идеальный выбор для Ха Джуна.

— Сколько вы продержитесь? Так что возвращайся. Я подожду.

— Чжэ Ха.

— Мы ведь немало прошли вместе.

— Я подожду.

— Прости.

Ха Джун поднялся.

— Если меня одного для тебя мало, думай и о другом. Ведь ты выбрал меня и из-за моего отца. Но понравится ли ему кто-то другой? Если это не ребёнок другого прокурора — забудь.

— ...

— Мы будем идеальной парой. И рядом со мной ты найдёшь покой.

— Я уже не смогу.

Эти слова дались ему с трудом, но других у него не было.

— Так больше не получится.

И он ушёл, так и не оглянувшись.

Один из трёх дней, что дал Нам Гун Хёк, Ын Юль потратил целиком на мучительные раздумья. Ночью он так и не смог как следует уснуть, а утром с усталым лицом вышел работать в ресторан и шатаясь ходил туда-сюда.

Наверное, по его бледному виду бабушка сегодня сама привела Ха Ныля. Накормила ужином, искупала, а Ын Юль лишь сидел неподвижно, словно кукла, бездумно глядя в пустоту.

— Чтоб он сгорел, паршивец. Старуху заставляет надрываться, — проворчала мимоходом Лим Бон Су, но даже когда Ха Ныль с любовью сунул папе в рот кусочек яичного рулета, Ын Юль не шелохнулся.

Нам Гун Хёк не оставил ему выбора. С самого начала всё было только так, как хотел он. Даже если Ын Юль решит отказаться, тот всё равно силой затащит его. Пусть он и сказал, что готов честно выплатить долг, но этот человек всё равно безжалостно тряс его жизнь. Ненависть к нему зашкаливала, но выхода не было.

— Папа.

Ха Ныль подтащил стул, сел рядом и стал болтать ногами.

— Давай в слова поиграем?

— А?

Неожиданное предложение сына заставило Ын Юля внимательно взглянуть на его лицо — и он невольно улыбнулся. Тут же кольнуло чувство вины: ведь сегодня он совсем не уделил Ха Нылю внимания.